

УДК94(47).072

А.В. Хованский

аспирант 2 года обучения кафедры истории Беларуси,
археологии и специальных исторических дисциплин
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы
e-mail: howa@list.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В 1811–1864 гг.

Анализируется создание, организация и порядок управления подразделениями внутренней стражи на белорусских землях в 1811–1864 гг. Характеризуется и анализируется штатно-должностная структура, порядок комплектования, функциональные обязанности должностных лиц внутренней стражи. Выявлены роль и значение ее в системе обеспечения региональной и общественной безопасности Российской империи, влияние на обороноспособность государства. Особое внимание уделено характеру и порядку взаимоотношений руководства внутренней стражи с военным министерством и губернским начальством, их влияния на деятельность подразделения. Выявлены общие черты с внутрироссийскими губерниями и особенности формирования и деятельности внутренней стражи на территории Беларуси в 1811–1864 гг. Раскрыты факторы, негативно сказывавшиеся на эффективности руководства подразделениями Отдельного корпуса внутренней стражи.

Введение

Создание в Российской империи внутренней стражи в первой четверти XIX в. необходимо рассматривать с позиций процесса общего реформирования всей государственной системы управления и вооруженных сил, происходившего в период правления императора Александра I. Именно накануне наполеоновского вторжения было решено сформировать внутреннюю стражу. Слово «стража» связано со значением «сторожить, стеречь, караулить, охранять», а словосочетание «внутренняя стража» близко по смыслу словам «гарнизон», «милиция». Необходимость создания внутренней стражи была вызвана рядом обстоятельств, обусловленных внешней угрозой и напряженным положением внутри империи, а также необходимостью реорганизовать внутреннюю службу на региональном уровне, укрепить и пополнить за счет гарнизонных подразделений полевую армию, создать надежную военно-охранительную систему внутри страны. Белорусские земли, войдя в состав Российской империи, занимали важное геополитическое и стратегическое значение в системе обороноспособности Российской империи, именно здесь размещались наиболее крупные гарнизоны и дислоцировался внушительный воинский контингент, ставшие основой формирования первых подразделений внутренней стражи.

Проблемы формирования и деятельности внутренней стражи на белорусских землях в исторической науке не получили специального освещения. В работах, посвященных военной истории Российской империи, сведения о деятельности внутренней стражи весьма кратки и, как правило, приводятся в контексте рассмотрения других вопросов. Так, данные об участии военнослужащих Гродненского батальона внутренней стражи в франко-русской войне 1812 г. содержатся в работе [1]. Здесь участие в войне военнослужащих внутренней стражи рассматривается фрагментарно, в контексте ведения оборонительных боев всех подразделений российской армии.

Научный руководитель – С.А. Пивоварчик, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

Обобщенные сведения о создании внутренней стражи и ее руководстве содержатся в первом томе издания «Столетие Военного министерства 1802–1902 гг.» [2].

Информацию, содержащую персональные данные о должностных лицах внутренней стражи, структуре и численности, можно найти в мемуарах инспектора внутренней стражи генерал-лейтенанта Е.Ф. Комаровского [3]. Несмотря на субъективизм приведенных здесь суждений и интерпретаций, в книге есть много ценных наблюдений автора как непосредственного участника тех событий. Важными источниками по теме статьи являются законодательные акты Российской империи [4] и Военная энциклопедия [5], позволяющие правильно использовать понятийный аппарат и соблюдать принцип историзма. Богатый материал о деятельности подразделений внутренней стражи на белорусских землях содержится в Национальном историческом архиве в г. Гродно.

Цель данной статьи – выявить особенности функционирования управления подразделениями внутренней стражи на современной территории Беларуси в 1811–1864 гг.

Управление подразделениями внутренней стражи на белорусских землях в 1811–1864 гг.

В первой половине XIX в. вследствие постоянной нужды в пополнении действующей армии и подразделений, преимущественно предназначенных для несения внутренней службы, в организационном плане были приняты некоторые изменения. 16 января 1811 г. все команды, несшие специальные полицейские обязанности главным образом по охране внутреннего государственного порядка («внутренняя губернская стража»), были переданы в подчинение военного ведомства. «Предназначив существующие ныне губернские роты и штатные команды привести в лучшее устройство, настоящему роду службы их общему порядку сообразное, повелеваем все команды сие передать из гражданского в военное начальство» [4, с. 516]. Таким образом, устранилось нарушение принципов единоначалия, когда отсутствовал единый центр командования военными формированиями с полицейскими функциями: гарнизонные батальоны подчинялись военному министерству, а губернские роты и штатные команды – местным властям. 27 марта 1811 г. в соответствии с указом военного министра «О устройстве инвалидных рот и команд и составлении из них подвижных инвалидных рот и служащих инвалидных команд» из них были образованы инвалидные роты и инвалидные команды различных наименований, а штатные команды, расположенные в уездных городах, были сведены вместе и составили в губернских городах третьи гарнизонные губернские роты [4, с. 395]. Следует отметить, что военными инвалидами в XIX в. назывались военнослужащие, вследствие болезни или ранений не способные нести полевую службу, а выполнявшие задачи по охране порядка в городах и уездах или несшие караульную службу. Поэтому подразделения, состоящие из военных инвалидов, именовались «инвалидными» [5, с. 607]. Из существовавших в 1811 г. 52 гарнизонных батальонов было взято по три роты на формирование новых пехотных полков, а четвертые роты вместе с губернскими ротами образовали внутренние двухротные полубатальоны, в дальнейшем постепенно переформированные в трехротные полубатальоны и переименованные во внутренние губернские батальоны. Все эти батальоны были объединены во внутреннюю стражу.

3 июля 1811 г. император Александр I утвердил «Положение для внутренней стражи», согласно которому подразделения внутренней стражи были разделены на округа, управлявшиеся окружными начальниками (окружными генералами). Следует отметить, что в процессе эволюции организационная структура внутренней стражи постоянно изменялась: варьировались количество округов (не только в сторону увеличения, но и сокращения), штатная численность подразделений. Округа внутренней стражи разделялись на бригады. Бригадный командир являлся непосредственным начальни-

ком батальонов и всех уездных и других инвалидных команд, находившихся в его ведомстве. В округ входило 2–3 бригады, каждая из которых состояла из 2–3 батальонов. В свою очередь, в состав губернских батальонов входили команды служащих инвалидов в уездных городах и этапные команды. Все находившиеся в уезде инвалиды подчинялись начальнику уездной инвалидной команды. Военские начальники внутренней стражи находились «в точном ведении военного министра» [4, с. 784].

На внутреннюю стражу возлагались военные функции, связанные с обеспечением воинского порядка и дисциплины, осуществлением гарнизонной службы (вооруженная охрана дворцов, казнохранилищ, складов, арсеналов, тюрем, гауптвахт, крепостных сооружений; участие в парадах, церемониях и процессиях в особо торжественных случаях, участие в погребении военнослужащих). «Главный предмет учреждения внутренней стражи состоял в том, чтобы при батальонах оной формируемы были рекруты, чтобы посредством оной препровождались в случае войны пленные, чтобы конвоированы были рекрутские партии с места их набора в назначенное рекрутское депо, куда прикомандированы должны быть офицеры из внутренней стражи. Пересылка арестантов всякого рода прежде возлагаема была на обывателей – повинность самая отяготительная, особливо в рабочую пору, а сверх того, за упуски на пути арестанта сии несчастные подвергались тюремному заключению и часто невинному наказанию; названная повинность также вошла в обязанность внутренней стражи», – вспоминал инспектор внутренней стражи генерал-лейтенант Е.Ф. Комаровский [3, с. 185].

Наряду с военными функциями на внутреннюю стражу возлагались и другие обязанности: 1) силовое обеспечение деятельности судов; 2) борьба с преступностью; 3) подавление массовых беспорядков; 4) розыск и поимка беглых преступников и дезертиров; 5) выявление и изъятие запрещенных и контрабандных товаров; 6) содействие в сборе налогов; 7) обеспечения охраны общественного порядка; 8) отправка в распоряжение воинских частей военнослужащих, просрочивших отпуска; 10) содействие в ликвидации пожаров, последствий стихийных бедствий; 11) охрана тюрем; 12) обеспечение безопасности объектов государственной важности и др. Кроме того, военнослужащие внутренней стражи, находившиеся на службе (т.е. в карауле, командировке, дозоре), обязаны были «брать под стражу и представлять губернскому начальству людей, настигнутых... в преступлении, буйстве либо насилии противу лица или имущества и найденных с окровавленным оружием либо платьем», а также «захватывать сборища воров и разбойников» [4, с. 785].

Следует отметить, что важным направлением взаимодействия местных гражданских и военных властей стало привлечение подразделений внутренней стражи к противопожарной охране городов и населенных пунктов. Так, учрежденные в городах пожарные команды частично формировались из личного состава внутренней стражи. Таким образом, привлечение внутренней стражи к тушению пожаров кроме непосредственной цели – борьбы с огнем – было направлено и на сокращение финансовых расходов на содержание в провинциальных городах дополнительных сил пожарной охраны.

При губернских батальонах и городских командах не предусматривалось отдельных лазаретов, поэтому военнослужащие внутренней стражи направлялись на лечение в местные военные госпитали или полевые лазареты, а в случае их отсутствия – в городские больницы с оплатой половины стоимости питания каждого больного. Таким образом, военному руководству необходимо было входить во взаимодействия с местными властями для разрешения данных вопросов [4, с. 786].

В «Положении для внутренней стражи» регламентировались формы и порядок отчетности о деятельности подразделений, устанавливался порядок взаимоотношений между командирами всех уровней и вышестоящим командованием и губернским на-

чалством. Так, начальники внутренней стражи всех уровней (бригадные, батальонные, уездные) должны были вести ежедневный журнал контроля использования подразделений внутренней стражи по требованиям местного губернского начальства. Все журналы по команде ежемесячно представлялись окружному генералу. На основании этих данных окружной генерал составлял общий отчет за месяц [4, с. 785]. В случаях выявления нарушений, связанных с неправомерным использованием подразделений внутренней стражи губернскими должностными лицами, окружной генерал связывался с губернским начальником для выяснения обстоятельств, приведших к нарушению, и немедленно докладывал об этом военному министру. Если окружной генерал усматривал нарушение со стороны самих командиров внутренней стражи (уездного, батальонного или бригадного), связанных с отказом в помощи гражданскому начальству, то после рассмотрения всех обстоятельств дела и с учетом тяжести последствий отстранял виновного от командования и докладывал об этом военному министру [4, с. 785].

Окружной генерал и командир бригады могли приказывать действовать (первой бригаде, а второй – батальону) только по письменному требованию губернатора или исполняющего его обязанности. При этом бригадный начальник, получив указание действовать, обязан был немедленно сообщить об этом военному министру, а командир батальона докладывал об этом окружному генералу и военному министру. Внутренняя стража могла быть использована не только по указанию губернатора, но и по требованию городничих, полицеймейстеров и земских исправников в тех случаях, когда численность привлекаемого подразделения не превышала одной роты. Такие распоряжения, т.е. использование малочисленных отрядов внутренней стражи, могли быть и устными, особенно в случаях, требовавших быстрого реагирования. Но и устные распоряжения должны были быть зафиксированы в журнале того батальона, из которого привлекалась команда [4, с. 786].

Командир губернского батальона, используемого губернским начальством, несет ответственность только за действия подразделения в строгом соответствии с Положением. За все последствия, связанные с применением личного состава внутренней стражи, кроме действий, связанных с нарушением воинской дисциплины, юридически отвечало губернское начальство, которое инициировало применение подразделения. Отказывать в помощи губернскому руководству в случаях отсутствия явных нарушений законности в их требовании командир батальона внутренней стражи не мог [4, с. 789].

Командир батальона получал предписания от бригадного начальника и требования от гражданского губернатора, а к ним обращался с рапортами. С другими чиновниками городской и земской полиции контактировал по мере необходимости. Командир батальона составлял три отчета о состоянии дел в подразделениях внутренней стражи всей губернии: первый – в инспекторский департамент военного министерства; второй – бригадному начальнику, третий – гражданскому губернатору с приложением оригиналов рапортов начальников уездных воинских команд.

В соответствии с «Положением для внутренней стражи» командир батальона являлся непосредственным начальником губернского батальона, уездных и всех находившихся в губернии инвалидных команд. Власть и права его соответствовали полномочиям командиров полевых полков. Главная обязанность его заключалась в том, «чтобы войско, ему вверяемое, содержимо будучи в совершенном порядке и исправности, всегда было готово действовать согласно с целью его установления, как скоро востребуется оно в определенных положением случаях формах» [4, с. 788]. Кроме того, командир губернского батальона был обязан: 1) вести учет личного состава батальона и всех находившихся в губернии уездных и других инвалидных команд; 2) заботиться об обеспечении личного состава батальона всеми видами довольствия; 3) следить и принимать все необходимые меры, в том числе и дисциплинарного характера, для поддержания право-

порядка и дисциплины в подчиненных подразделениях; 4) следить за опрятным внешним видом военнослужащих и исправностью вверенного им вооружения; 5) отвечать за прием, обучение, содержание рекрутов и своевременную доставку их к месту назначения; 6) выявлять военнослужащих, отставших от своих команд без уважительной причины, и высылать их к местам прохождения службы; 7) следить за соблюдением военнослужащими, находящимися в губернии, сроков лечения и отпусков; 8) стимулировать офицеров, сопровождавших воинские транспорты, к безостановочному движению и оказывать им в этом всевозможную помощь; 9) принимать меры для сохранности обозов и других принадлежностей, оставляемых полками и воинскими командами при передислокации; 10) конвоировать дезертиров, арестантов, преступников к местам назначения; 11) ежемесячно осматривать и докладывать начальнику о содержании больных и их лечении в военных госпиталях губернии; 12) проводить не реже четырех раз в год смотры уездных инвалидных команд и о результатах каждого смотра докладывать бригадному командиру и губернскому начальству [4, с. 790].

В непосредственном подчинении у командира губернского батальона внутренней стражи находился начальник уездной инвалидной команды, которому подчинялись все находящиеся в уезде инвалиды. Власть и права его соответствовали власти и правам ротных командиров полевых полков. Обязанности начальника уездной инвалидной команды заключались в следующем: 1) руководить вверенной ему командой и быть в готовом действовать по приказу; 2) вести учет личного состава; 3) заботиться об обеспечении личного состава всеми видами довольствия; 4) следить за воинским порядком и дисциплиной; 5) вести ведомость учета временно находящихся в уезде военнослужащих и предоставлять эти сведения командиру губернского батальона; 6) сопровождать рекрутов через уезд; 7) конвоировать дезертиров и арестантов в полки и команды, а преступников согласно приговору суда [4, с. 792].

Ответственная и сложная служба внутренней стражи требовала и соответствующего подбора личного состава. Однако на деле существовали значительные расхождения между предназначением подразделения и порядком его комплектования. Внутренняя стража превратилась в место ссылки, куда переводили людей со слабыми профессиональными способностями и нарушителей воинской дисциплины. Так, офицерский состав корпуса комплектовался: 1) переводом из армейских полков по болезни и непригодности к полевой службе (под эту формулировку подпадали и недисциплинированные офицеры); 2) зачислением из отставки, куда часто отправляли офицеров помимо их желания; 3) выпусками военно-учебных заведений по причине слабых умственных способностей; 4) производством в офицеры по ускоренной программе.

Несмотря на то, что внутренняя стража несла главным образом караульную службу и охраняла внутренний государственный порядок, преступность в этих подразделениях была в 6 раз выше, чем в армии, и в 19 раз по сравнению с гвардией [5, с. 444]. Архивы Беларуси хранят много дел, касающихся фактов дезертирства и преступлений, совершенных личным составом внутренней стражи. Например, случаи взяточничества (начальник Ковельской инвалидной команды подпоручик Скаковский в 1827 г. просил адъютанта Житомирского батальона, при котором состояла команда, за 25 руб. помочь в получении вышестоящей должности); злоупотребления служебным положением и взяточничества (дело 1863 г. батальонного адъютанта Гродненского батальона внутренней стражи подпоручика Ананского за положительное решение вопросов по переводу или увольнению нижних чинов); дезертирство и убийства (дела 1863–1864 гг. «О передаче суду рядовых Гродненского губернского батальона за убийство крестьянина, грабежи, пьянство, самовольную отлучку», «О задержании дезертира рядового Виленского батальона внутренней стражи Станкевича Александра») и др. [6, л. 3; 7, л. 4; 8, л. 2].

При этом подавляющее большинство личного состава корпуса добросовестно исполняло свои функциональные обязанности. Ответственная и сложная служба внутренней стражи требовала напряженного труда военнослужащих, т.к. служба в гарнизонных батальонах была очень тяжелой, часто офицеры заступали в караулы несколько дней подряд, а жалование у них было меньше, чем в полевых войсках.

Ведение боевых действий преимущественно не входило в круг обязанностей внутренней стражи, при этом 16 июня 1812 г. солдаты и офицеры Гродненского внутреннего гарнизонного батальона под командованием гродненского полицмейстера Высочина приняли активное участие в оборонительных сражениях против наполеоновских войск. В ходе боев погиб прапорщик внутренней стражи Н.И. Ившин [9, л. 41]. В боевых действиях в 1812 г. также приняли участие военнослужащие других подразделений внутренней стражи, дислоцировавшихся на белорусских землях: Могилевского, Минского и Витебского батальонов. Так, инвалидные команды Минской губернии, соединившись с Минским и Могилевским батальонами внутренней стражи, уездными командами Гродненской губернии, совместно с гарнизоном Бобруйской крепости выдержали блокаду войсками генерала Домбровского с 12 июля по 4 октября 1812 г. и потеряли при этом 4 офицера и 128 солдат убитыми. Военнослужащие из Витебского батальона внутренней стражи были направлены в действующую армию для ее пополнения в полном составе. Следует отметить, что из всех вышеупомянутых частей и подразделений войск внутренней стражи наибольшие потери в ходе войны 1812 г. понес Могилевский батальон внутренней стражи.

30 ноября 1811 г. указом императора Александра I была утверждена «Инструкция инспектору внутренней стражи» [9, с. 915]. Первым инспектором был назначен генерал от инфантерии Е.Ф. Комаровский: «Как инспектор внутренней стражи я имел при себе канцелярию, состоящую из одного секретаря, двух чиновников, обер-аудитора и нескольких писцов. По званию моему, я мог иметь четырех адъютантов, но сначала находились при мне только три: Преображенского полка барон Швахгейм, Семеновского – Дохтуров и Измайловского – Храповицкий» [3, с. 186].

Инструкция изменяла положение, при котором окружные генералы подчинялись напрямую военному министру: между ними появлялось промежуточное звено в лице инспектора внутренней стражи. Однако необходимо отметить, что инструкция достаточно смутно определяла соотношение полномочий военного министра и инспектора внутренней стражи: «Инспектор внутренней стражи есть помощник Военного Министра в управлении внутренней стражи», но при этом «инспектор внутренней стражи есть начальник оной во всех отношениях к военному ее устройству и порядку» [4, с. 915]. В своих воспоминаниях Е.Ф. Комаровский отмечает, что военный министр М.Б. Барклай-де-Толли хотел, чтобы Е.Ф. Комаровский «носил звание дежурного при нем генерала по внутренней страже», но Александр I, указав на то, что граф Комаровский является его генерал-адъютантом, сказав М.Б. Барклай-де-Толли: «Хочу, чтобы он находился между мной и вами» [3, с. 184]. 30 марта 1816 г. вышел указ «О именовании Внутренней стражи Отдельным корпусом Внутренней стражи» [10, с. 589; 2, с. 206].

Значимым событием в истории внутренней стражи стало образование в ее составе жандармских подразделений. В утвержденном 1 февраля 1817 г. «Положении для жандармов внутренней стражи» отмечалась необходимость создания подразделений, способных повысить мобильность корпуса и усилить интенсивность действий его военнослужащих: «Необходимость и польза конных отрядов в составе внутренней стражи представлялись при самом образовании стражи сей; но начавшаяся тогда война воспрепятствовала учреждению оных» [11, с. 50]. Жандармские подразделения были сформированы на основе полицейских и драгунских команд, которые были упразднены. Структура жандармерии в системе Корпуса внутренней стражи определялась следующим об-

разом: в Москве и Санкт-Петербурге жандармы были подчинены обер-полицмейстерам и считались откомандированными из внутренней стражи; в губернских городах жандармы внутренней стражи включались в состав внутренних гарнизонных батальонов и подчинялись их командирам [11, с. 54]. Окружные генералы внутренней стражи имели над жандармами своих округов всю полноту власти, как и в отношении внутренних гарнизонных батальонов. Следует отметить, что функции жандармов внутренней стражи находились вне сферы политического сыска и заключались главным образом в усилении подразделений внутренней стражи мобильными конными отрядами для более эффективного поддержания правопорядка.

Восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. показало неспособность охранительной системы ликвидировать угрозы политическому режиму и государственности на стадии их зарождения, что потребовало создания эффективных механизмов противодействия новым вызовам. Указом от 28 апреля 1827 г. подразделения жандармерии были выведены из структуры внутренней стражи и объединены в самостоятельный корпус жандармов с широкими полномочиями для борьбы с противниками государственного строя и императора [12, с. 396].

8 февраля 1817 г. военным министром была введена этапная система сопровождения арестантов. Для этого в составе батальонов внутренней стражи сформированы этапные команды для конвоирования арестантов в места отбывания наказания по утвержденным этапным маршрутам. Кроме того, в августе 1818 г. на корпус была возложена охрана соляных промыслов, и с этой целью учреждены соляные инвалидные команды. В 1848 г. в состав войск внутренней стражи вошли полицейские и пожарные команды. В 1849 г. личный состав этих команд стал называться сверхштатным, а в 1857 г. окончательно передан в ведение городничих [5, с. 444].

На территории Беларуси подразделения внутренней стражи были представлены губернскими батальонами, уездными инвалидными командами. Специфика белорусских земель заключалась в отсутствии единого центра управления подразделениями внутренней стражи. Так, белорусские губернии входили в разное время в разные округа и бригады внутренней стражи. Кроме того, важной особенностью «белорусских» подразделений внутренней стражи являлось выполнение обязанностей по усилению пограничных и таможенных застав. Например, в 1817 г. Брестская инвалидная команда Гродненского батальона внутренней стражи несла караульную службу на брестской пограничной заставе [13, л. 2]. Батальоны внутренней стражи дислоцировались в губернских центрах (Гродно, Минск, Могилев, Витебск) и соответственно назывались. В 1835 г. Варшавский гарнизонный батальон был перемещен в Брест-Литовск и был переименован в Брест-Литовский гарнизонный батальон, но остался в составе 10-го округа Отдельного корпуса внутренней стражи.

В январе 1811 г. из одной роты, оставшейся от расформированного Кюменегородского гарнизонного батальона (три роты вошли в состав 49-го Егерского полка), и присоединенной к ней штатной губернской роты Гродненской губернии в г. Гродно был сформирован Гродненский внутренний губернский полубатальон в составе двух рот (по 4 обер-офицера и 165 нижних чинов). С присоединением третьей роты он стал называться Гродненский внутренний губернский батальон (с 1816 г. – Гродненский внутренний гарнизонный батальон). Кроме того, в уездных городах Гродненской губернии (Волковыске, Брест-Литовске, Пружанах, Кобрине, Лиде, Новогрудке и Слониме) были сформированы уездные инвалидные команды, состоявшие из 2 обер-офицеров и 46 нижних чинов и находившиеся в подчинении командира батальона. После расформирования Белостокского внутреннего гарнизонного батальона к Гродненскому баталь-

ону внутренней стражи присоединились инвалидные команды Белостокской области (Белостокская, Бельская, Соколовская и Дрогичинская) [14, с. 305].

12 февраля 1818 г. при учреждении пеших этапов для сопровождения арестантов по маршруту от Брест-Литовска через Минск и Смоленск до Москвы были сформированы и переданы в подчинение батальону Ружанская и Столовичская этапные команды, и по маршруту от Гродно до м. Новый-Свержень – Каменская и Белицкая. Каждая состояла из 2 обер-офицеров и 46 нижних чинов. При учреждении конных этапов для сопровождения арестантов от Белостока через Гродно, Минск, Оршу и Смоленск до Москвы в 1837 г. сформированы и подчинены батальону Белостокская, Соколовская, Гродненская, Ельнинская, Белицкая, Новогрудская и Мирская конные этапные команды (в каждой 1 обер-офицер, 19 нижних чинов: 5 конных, 14 пеших; при этом Каменская и Белицкая пешие этапные команды упразднены [14, с. 304].

24 апреля 1843 г. Дрогичинская инвалидная команда после перевода в г. Троки и переименования в Трокскую, а также Лидская инвалидная и Белицкая конно-этапная команды были переподчинены Виленскому внутреннему гарнизонному батальону, а Новогрудская инвалидная и Столовичская пешая, Новогрудская и Мирская конно-этапные команды – Минскому внутреннему гарнизонному батальону [14, с. 306].

На продовольственное обеспечение нижних чинов батальона гродненские власти ежемесячно затрачивали порядка 430 руб. (январь 1861 г. – 427 руб. 12 коп., февраль 1861 г. – 433 руб. 53 коп. и т.д.). В ежедневный рацион военнослужащих внутренней стражи входили горох, грибы, масло, лук, говядина, капуста, перец, сельдь, соль, картофель, сало [15, л. 2].

В Витебске 11 января 1811 г. из одной роты, оставшейся от расформирования Ревельского гарнизонного полка, и присоединенной к ней штатной губернской роты Витебской губернии был сформирован Витебский внутренний губернский полубатальон в составе двух рот (4 обер-офицера, 165 нижних чинов). 27 марта 1811 г. к двум ротам, составлявшим полубатальон, была присоединена третья, и он стал называться Витебским внутренним губернским батальоном. Кроме того, в уездных городах Витебской губернии (Сураже, Вележе, Городке, Невеле, Лепеле, Полоцке, Себеже, Люцине, Режице, Динабурге и Дриссе) были созданы уездные инвалидные команды. В 1818 г. при учреждении пеших этапов для сопровождения арестантов по маршруту от Гродно через Вильно, Друю и Псков к Санкт-Петербургу была учреждена Россицкая этапная команда в составе 2 обер-офицеров и 46 нижних чинов. 22 июня 1839 г. Россицкая этапная команда была упразднена [14, с. 301].

В г. Минске 17 января 1811 г. из одной роты, оставшейся от расформирования Рижского гарнизонного полка, и присоединенной к ней штатной губернской роты был сформирован Минский внутренний губернский полубатальон в составе двух рот. 27 марта 1811 г. к двум ротам, составлявшим полубатальон, была добавлена третья. Так был создан Минский внутренний губернский батальон. В уездных городах Минской губернии (Вилейке, Дисне, Борисове, Игумене, Бобруйске, Речице, Мозыре, Слуцке и Пинске) были учреждены уездные инвалидные команды. В июле 1816 г. батальон был переименован в Минский внутренний гарнизонный батальон [14, с. 311]. Батальону подчинялись Лоевская, Новосверженская, Кейдановская и Смолевичская этапные команды. 21 июня 1837 г. при учреждении конных этапов для сопровождения арестантов из Белостока через Гродно, Минск, Орел и Смоленск в Москву были сформированы и подчинены батальону Камульская, Минская, Смолевичская и Борисовская конные этапные команды. Первая состояла из 1 обер-офицера и 19 нижних чинов (5 конных, 14 пеших); остальные – из 1 обер-офицера и 28 нижних чинов (8 конных, 20 пеших) [14, с. 312].

24 апреля 1843 г. Вилейская и Дисенская инвалидные команды были исключены из батальона и вошли в состав Виленского внутреннего гарнизонного батальона, а чис-

лившиеся при гродненском внутреннем губернском батальоне (Новогрудская инвалидная и Столовичская пешая, Новогрудская и Мирская) конно-этапные команды подчинены батальону [14, с. 314].

17 января 1811 г. при учреждении внутренней стражи в Могилевской губернии из одной роты, оставшейся от расформированного Перновского гарнизонного батальона, и присоединенной к ней штатной губернской роты губернии в г. Могилеве был сформирован Могилевский внутренний губернский полубатальон в составе двух рот. 27 марта 1811 г. с присоединением к нему третьей роты он был переименован в Могилевский внутренний губернский батальон. В уездных городах Могилевской губернии (Мстиславле, Быхове, Копысе, Черикове, Климовичах, Сенном, Белице, Рогачеве, Орше и Чаусах) были сформированы уездные инвалидные команды. 14 июля 1816 г. батальон стал называться Могилевский внутренний гарнизонный [14, с. 246]. 12 февраля 1818 г. учреждена Толочинская этапная команда в составе 2 обер-офицеров и 46 нижних чинов, а в 1835 г. были сформированы и подчинены батальону Крупская, Кохановская и Дубровская конные этапные команды. Каждая состояла из 1 обер-офицера и 28 нижних чинов (8 конных и 20 пеших) [14, с. 248].

Следует отметить, что численность батальонов внутренней стражи на белорусских землях была унифицирована. По состоянию на июль 1811 г. в каждом батальоне числилось: 2 штаб-офицера, 14 обер-офицеров, 493 нижних чинов, 20 нестроевых, 25 денщиков (всего 554 человек); в январе 1817 г. – 18 штаб-офицеров, 657 нижних чинов, 22 нестроевых, 30 денщиков (всего 729 человек); в апреле 1817 г. – 2 штаб-офицера, 18 обер-офицеров, 1 017 нижних чинов, 24 нестроевых, 30 денщиков (всего 1 091 человек). Однако в Гродненской губернии насчитывалось наибольшее количество этапных команд, что объясняется геополитическим положением региона (близость к границе, антиправительственные выступления и т.д.) [14, с. 247].

К середине XIX в. назрела необходимость коренных преобразований Корпуса внутренней стражи на белорусских землях. Однако изменений не последовало, а в результате реформ военного министра генерал-адъютанта Д.А. Милютин 6 августа 1864 г. внутренняя стража была упразднена. Обязанности службы внутренней стражи были возложена на вновь сформированные местные войска.

Заключение

Таким образом, выполняемые подразделениями внутренней стражи функции создавали условия для постоянного и тесного контакта с местной гражданской властью. Поддержание и охранение политического режима и внутреннего порядка в условиях «неблагонадежности» местного населения на белорусских землях, приграничное положение территорий, постоянные революционные потрясения, приток политических и иных заключенных, необходимость их безопасного и организованного этапирования требовали четкого взаимодействия с местными властями, что ставило внутреннюю стражу и местные власти во взаимозависимое положение. С одной стороны, корпус подчинялся военному министерству и действовал по его приказу через окружное и бригадное начальство. Однако с другой стороны, в условиях отсутствия представителей окружного и бригадного управления на белорусских землях батальоны внутренней стражи были в значительной мере зависимы от местного губернского начальства и действовали с сохранением всех законодательных формальностей по его указанию и требованию.

Анализ штатно-должностной структуры отдельного корпуса внутренней стражи на белорусских землях позволяет сделать вывод о том, что она имела унифицированный (типовой) состав и не отличалась от других губерний Российской империи. Вместе с тем подразделения внутренней стражи на белорусских землях не имели единого

центра управления, что свидетельствует об отсутствии в военном руководстве Российской империи четкого понимания и восприятия территории Беларуси как единого целого. Изначально округа формировались по принципу выгодного военно-стратегического положения, удобства в их управлении. К середине XIX в. белорусские подразделения внутренней стражи оказались в составе трех округов: 6-го (Могилевская губерния), 9-го (Минская, Гродненская, Витебская губернии) и 10-го (г. Брест-Литовск).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Швед, В. В. Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў, 1805–1815 гг. / В. В. Швед, С. В. Данскіх ; Гродз. дзярж. ун-т імя Я. Купалы. – Гродна : ГрДУ, 2006. – 250 с.
2. Столетие Военного министерства 1802–1902 : конспекты исторических очерков столетия Военного министерства / гл. ред. генерал-лейтенант Д. А. Скалон. – СПб. : Тип. т-ва М. О. Вольф, 1902. – Т. 1 : Исторический очерк развития военного управления в России. – 430 с.
3. Записки графа Е. Ф. Комаровского / ред. П. Е. Щеголева. – СПб. : Огни, 1914. – 279 с.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое / под ред. М. М. Сперанского. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXXI : 1810–1811 гг. – 941 с.
5. Военная энциклопедия : в 18 т. / под ред. В. Ф. Новицкого [и др.]. – СПб. : Т-во И. Д. Сытина, 1912. – Т. 6 : [Верещагин В. В. – Воинская повинность]. – 642 с.
6. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБГр). – Ф. 1. Оп. 34. Д. 2815.
7. НИАБГр. – Ф. 1. Оп. 34. Д. 718.
8. НИАБГр. – Ф. 274. Оп. 1. Д. 1.
9. НИАБГр. – Ф. 1. Оп. 19. Д. 1141.
10. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое / под ред. М. М. Сперанского. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXXIII : 1815–1816 гг. – 1167 с.
11. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое / под ред. М. М. Сперанского. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXXIV : 1817 г. – 959 с.
12. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе / под ред. М. М. Сперанского. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. II : 1827 г. – 1561 с.
13. НИАБГр. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 989.
14. Висковатов, А. В. Хроника Российской Императорской армии : в VII ч. / А. В. Висковатов. – СПб. : Воен. тип., 1852. – Ч. VII. – 340 с.
15. НИАБГр. – Ф. 1478. Оп. 1. Д. 4.

Рукапіс паступіў ў рэдакцыю 06.02.2018

Khovanski A.V. Organization of Management of Departments of Internal Guards on Belarus Land in 1811–1864

The article describes and analyzes the creation, organization and management of unit of the internal guard on the Belarusian lands in 1811–1864. Characterized and analyzed nominally-post structure, staffing order, the responsibilities of the officers of the internal guard. The role and importance of internal guard in the system of ensuring the regional and public security of the Russian Empire, its influence on the defense capability of the state are revealed. The author pays special attention to the nature and order of the relationship between the leadership of the internal guard with the military ministry and the provincial authorities, and their influence on the activities of the unit. Identified common features with the internal provinces and the features of the formation and activities of internal guard on the territory of Belarus in 1811–1864. Factors that negatively affect the effectiveness of the leadership of the Separate Corps of Internal Guard units are revealed.